Человеком, остановившим Тан Фаня, был Чжоу Цзин, а не какой-то мелкий простолюдин.

Чжоу Цзин был мужем принцессы Чжунцин, заведовал делами Управления Императорским Кланом и в то время был самым выдающимся императорским зятем.

Принцессы этой династии отличались от принцесс династии Сун тем, что об их существовании никто даже не помнил. Многие из них выходили замуж за кого-то безызвестного, жили с ним в несогласии и впадали в отчаяние. Однако принцесса Чжунцин стала исключением: будучи дочерью вдовствующей императрицы Чжоу и младшей сестрой нынешнего Сына Неба, отношения она заслуживала совершенно иного.

Эта принцесса прожила хорошую жизнь, выйдя замуж за порядочного человека, талантами не уступавшего рядовому ученому. В юности он был очень элегантным и красивым молодым человеком, снискавшим благосклонность покойного императора. Принцесса с мужем прекрасно ладили вот уже больше двадцати лет и представляли собой любящую супружескую пару на зависть остальным членам императорского клана.

— Здравствуйте, принц-консорт Чжоу! Когда мы в последний раз виделись во время заседания Большого Двора, Вы выглядели просто прекрасно. Полагаю, Вы в добром здравии?

Чжоу Цзин не был подобен бесполезным выскочкам-родственникам жен императора, вроде Вань Туна. Даже Тан Фань не смел проявлять по отношению к нему неучтивость и, заметив его, поспешил выбраться из паланкина, чтобы вежливо поздороваться.

Однако в душе он был несколько озадачен: они, хоть и знали друг друга, общались крайне редко. Чжоу Цзин всегда был осторожен в своих словах и поступках, а тут вдруг остановил его паланкин посреди улицы, выйдя за рамки приличий.

— Прекрасно выглядел! Скажете тоже! – Чжоу Цзин горько улыбнулся и оттащил Тан Фаня в сторонку. – Старейшина Тан, я пришел просить тебя о помощи!

— Принц-консорт Чжоу переоценивает мои силы! – Тан Фань еще пуще удивился.

— Мы с Вами честные люди, а честные люди не говорят загадками, – вздохнул Чжоу Цзин. – Дело срочное, поэтому не буду ходить вокруг да около. У меня дома кое-что случилось!

— В особняке принцессы?

— Именно, я… Кхм! Пару дней назад я кое из-за чего поспорил с принцессой. Слышал, старейшина Тан – бог расследований, а потому хотел попросить тебя помочь нам разобраться, чтобы принцесса не возводила на меня напраслины!

Хоть принцесса Чжунцин и пользовалась благосклонностью императора, войдя в семью Чжоу, она относилась с почтением к родителям мужа, не злоупотребляла своим положением и не капризничала, что было весьма похвально. То, что она могла поссориться со своим супругом, заставив его бежать к Тан Фаню за помощью, было очень странно.

Тан Фань любил докапываться до правды, но в чужие семейные дела вмешиваться не желал. Как говорится, “честному чиновнику не судить о делах семейных”. В одно мгновение муж и жена ссорятся, в другое – уже мирятся, а виноватыми оказываются посторонние, вмешавшиеся

в семейные дрязги. Поэтому, услышав эти слова, Тан Фань горько улыбнулся:

— Я не смогу Вам ничем помочь. Вам стоит подыскать кого-то более сведущего!

Высвободив из хватки Чжоу Цзина свой рукав, он повернулся, намереваясь улизнуть.

Но Чжоу Цзин оказался проворнее и схватил его за руку с такой силой, что Тан Фань понял: если снова попытается вырваться, распрощается со своим официальным облачением, – и остановился:

— Принц-консорт Чжоу, Вы с принцессой – супруги. Если есть что обсудить, просто сядьте, поговорите – и тучи рассеются. Зачем накалять обстановку? Боюсь, я ничем не смогу помочь!

— Ты меня даже не выслушал! – рассердился Чжоу Цзин. – Почему вдруг решил, что не сможешь помочь?!

— Видите ли, – беспомощно отозвался Тан Фань, – у меня простуда, я спешу домой. Мы можем поговорить в другой раз?

Шутка ли! Он совсем не хотел вмешиваться в ссору принцессы и ее супруга!

— Ничего страшного! Вот как мы поступим: ты сейчас идешь ко мне домой, я приказываю накрыть стол и все тебе рассказываю. Раз уж я на тебя сегодня натолкнулся, ты должен помочь мне и что-нибудь придумать! Старейшина Тан, умоляю тебя! Если принцесса продолжит в том же духе и разлетятся слухи, я со стыда помру!

Тан Фань не знал плакать ему или смеяться: тот и просил, и принуждал одновременно. Отказаться Тан Фань при всем желании не мог, поскольку его крепко держали за рукав.

— Отклонить приглашение никак нельзя? – вздохнул он.

— Нельзя! – отрезал Чжоу Цзин.

Эти двое стояли и перетягивались прямо посреди улицы и из-за своих особенных статусов привлекли довольно много внимания. Видя, что если они не уйдут, кто-нибудь вызовет патруль Пяти Округов, Тан Фань сдался и, велев носильщикам известить домашних о произошедшем, сел в повозку Чжоу Цзина.

Повозка из особняка принцессы была довольно просторной, и двое взрослых мужчин помещались в ней свободно. На сидениях лежали сатиновые подушки, благодаря которым удары колес становились почти незаметны, однако Тан Фань был не в настроении наслаждаться этим. Только что он постоял на улице под холодным пронизывающим ветром, так что теперь, оказавшись в теплой повозке, невольно чихнул. По лицу потекли слезы вперемешку с соплями.

— Старейшина Тан еще так молод! Ты должен следить за своим здоровьем! – Чжоу Цзин бросил на него обеспокоенный взгляд.

Тан Фань уткнулся в носовой платок и тайком закатил глаза.

“А кто меня сюда притащил?”

Чжоу Цзин, казалось, понял, что тот злится, и сухо рассмеялся:

— У меня не было другого выбора! Старейшина Тан, прошу, прости меня!

— Осмелюсь спросить, из-за чего принц-консорт и принцесса поссорились? – бессильно спросил Тан Фань.

В повозке не было больше ни души, однако Чжоу Цзин продолжал таиться:

— Из-за одной безделицы. Как доберемся до особняка, я тебе все объясню.

Тан Фань понял, что что-то не так.

Чжоу Цзин был порядочным человеком, а принцесса Чжунцин не отличалась высокомерием. К тому же они были уже далеко не молодожены. Если бы они серьезно поссорились – а Тан Фань в это не верил – то с чего вдруг Чжоу Цзину останавливать паланкин министра Кабинета и приглашать его к себе в дом в качестве посредника? Тан Фань был не настолько близок с Чжоу Цзинем, чтобы судить его семейные дела. К тому же семейные дела не абы кого, а принцессы и принца-консорта.

Обдумав все это, Тан Фань убрал носовой платок. Голос его был немного хриплым из-за простуды, однако звучал довольно холодно:

— Принц-консорт хочет мне что-то сказать?

Когда Тан Фань становился серьезным, мало кто был в состоянии выдержать его пристальный взгляд. Чжоу Цзин не стал исключением.

Он невольно спрятал глаза:

— Старейшина Тан скоро сам все узнает. Прошу, не спрашивай.

Когда повозка остановилась у ворот особняка принцессы, его слуги, заметив, что позади принца-консорта стоит незнакомый молодой человек, уважительно склонились, снедаемые любопытством. Мысленно гадая, кто это может быть, они вскоре получили ответ на свой вопрос: принц-консорт звал незнакомца “старейшиной”.

Это не могло быть его прозвищем. В Великой Мин старейшинами могли называться лишь семь человек: первый министр и остальные члены Кабинета, выше которых стоял лишь один человек, а ниже – сотни тысяч.

Хотя статус их был не столь незыблем, как титулы родственников императора по женской линии, признанных героев или аристократов, и каждые несколько лет министры сменяли друг друга, отрицать то, что человек, оказавшийся в Кабинете Министров, имел в своих руках власть над Великой Мин и определял судьбу Поднебесной, было нельзя.

Но этот молодой человек выглядел едва за двадцать. Был ли в Кабинете столь молодой “старейшина”?

Один был.

Прекрасно осведомленные обо всем, что происходит в столице, слуги из особняка принцессы быстренько вспомнили, что по возрасту молодой человек перед ними подходил идеально. Они и не ожидали, что легендарный юный и многообещающий старейшина Тан окажется столь красивым и элегантным.

Хм, но почему он все время прикрывает нижнюю половину лица носовым платком, будто ему нездоровится?

Естественно, Тан Фань не мог тратить время на то, чтобы следить за реакцией слуг из особняка принцессы, а Чжоу Цзин вообще о них не думал, устремившись вперед. С его лица даже улыбка исчезла, из-за чего Тан Фань чуть было не решил, что с принцессой что-то случилось.

Наконец они подошли к кабинету на заднем дворе дома.

Вход на задние дворы и в кабинеты, как правило, был закрыт для посторонних, если только посторонний не был хорошим другом семьи, поскольку кабинет был местом, где хранились важные документы. Порой вход в него был закрыт не то что гостям, а даже членам семьи.

Однако Чжоу Цзин привел Тан Фаня в такое место.

Открыв дверь, он произнес человеку внутри:

— А Шу, он здесь.

В кабинете находилась не кто иная, как принцесса Чжунцин.

Принцессе было за сорок, однако красота ее еще не покинула. Она выглядела лет на тридцать, немногим старше Тан Фаня.

Тот не смел относиться к ней с пренебрежением и, вежливо сложив руки, обратился с приветствием:

— Здравствуйте, принцесса.

Принцесса Чжунцин бросила взгляд на своего мужа и тот мгновенно все понял:

— Я пойду прогуляюсь, а вы пока поговорите.

В этот момент Тан Фань, будь он даже последним глупцом, понял бы, что что-то не так. А глупцом Тан Фань не был.

Раз даже принцу-консорту пришлось выйти подышать свежим воздухом, то, что собиралась сказать принцесса, было очень важным.

А потому Тан Фань не спешил задавать вопросы, дожидаясь, пока та не заговорит первой.

— Господин Тан, прошу простите нас с супругом за столь внезапное приглашение, – принцесса Чжунцин горько улыбнулась. – Но дело крайне важное. Хоть прежде я с господином Таном и не встречалась, о Ваших способностях наслышана, потому и взяла на себя смелость побеспокоить Вас. Приношу извинения.

Голос ее был нежным и вкрадчивым – она была в точности такой, как о ней говорили: совершенно лишенная присущей другим принцессам гордыни, она говорила почтительно. Даже если Тан Фань и испытывал некоторое недовольство, после этих слов оно испарилось без следа.

— Принцесса, не стоит. Этот скромный чиновник весь во внимании, – произнеся эти слова, Тан Фань не выдержал и вновь достал носовой платок, чтобы прикрыть нос. Откашлялся, высморкался, а после горько улыбнулся принцессе: – Прошу прощения, я был невежлив. Я все еще болен простудой.

Принцесса Чжунцин знала это, как и то, что невежливыми здесь были только они с мужем: невзирая на болезнь Тан Фаня, они перехватили его по дороге. Однако у них действительно не было другого выбора – мера эта была вынужденной.

Брови ее слегка нахмурились, но не из-за Тан Фаня, а из-за того, что она пыталась подобрать слова, раздумывая, что говорить стоит, а что нет.

Тан Фань не торопил ее. Оба сидели молча. Тишину нарушали лишь тихие шаги Чжоу Цзина снаружи.

Спустя некоторое время принцесса медленно начала:

— Вчера я отправилась во дворец, чтобы навестить матушку-императрицу, и, узнав, что наследный принц болен, нанесла визит и ему.

Услышав, что дело связано с принцем, Тан Фань подобрался в ожидании ее дальнейших слов.

— Тогда я не заметила ничего странного, – продолжала принцесса. – Принц был болен и не в духе, так что я задержалась у него лишь минут на пятнадцать. Однако по возвращении вспомнила кое-что. И чем больше думала, тем более подозрительным мне это казалось. В детстве наследный принц прятался во дворце. Господин Тан, должно быть, слышал об этом?

Тан Фань кивнул. Принцессе было неловко упоминать благородную наложницу Вань, но о злоключениях принца знали все и внутри, и снаружи дворца.

— Когда принцу было три года, он споткнулся о порог и упал из-за чьего-то недосмотра. На его лбе остался шрам, который заметен до сих пор. Меня там не было, но мне рассказала матушка-императрица. Мало кто знал, но во время падения наследный принц повредил и мизинец левой руки. Острое дерево вонзилось в кожу до крови. Маленький шрам остался по сей день, – она глубоко вздохнула: – Но вчера, когда я встретила принца, я мельком взглянула на его палец – шрама там не было!

Принцесса рассказала лишь о том, что видела, однако смысл ее слов заставлял сердце биться чаще от тревоги.

— Принцесса уверена, что шрам должен был остаться до сих пор? – Тан Фань встревоженно нахмурил брови.

— Я не уверена, что мои старые глаза меня не подвели, – горько улыбнулась принцесса. – Дело это важное, так что я не посмела необдуманно возвращаться во дворец и проверять. Но когда я видела принца месяц назад, крошечный шрам на его руке виднелся. Не может быть, чтобы шрам, что был у него с самого детства, так внезапно исчез.

— А что насчет шрама на лбу? – спросил Тан Фань.

— Он на месте.

— Войдя в Восточный дворец, принцесса не заметила ничего необычного? – вновь спросил Тан Фань.

— Вроде бы нет, – немного подумав, ответила та.

— В речи или поведении наследного принца не было ничего странного?

— Мы с принцем обменялись всего парой слов. Все это время он лежал в постели. Ничего странного я не заметила.

— А окружение принца не изменилось?

— Кажется, нет. Но я редко виделась с наследным принцем и почти не обращала внимания на его окружение.

Видя, что Тан Фань молчит в раздумьях, принцесса вздохнула:

— Я знаю, что это просто смешно и немыслимо. Если я ошиблась, то ничего страшного. В худшем случае, выговор получу. Но если это правда, то последствия просто невообразимы. Мы с мужем размышляли об этом, но не решились поднимать шум и подумали пригласить сюда господина Тана под предлогом нашей ссоры. Как, по-вашему, мне стоит поступить?

— Этот скромный чиновник не видел наследного принца своими глазами, так что судить ему трудно, – горько улыбнулся Тан Фань.

— Я знаю, что своими словами обременяю господина, – извинилась принцесса.

Все это было лишь подозрениями принцессы Чжунцин, доказательством которых служил только старый шрам, крохотный и почти незаметный.

То, что она не видела шрама, не означало, что принц был ненастоящим: возможно, то была лишь игра света.

Более того, подмена наследного принца – громкое дело. Если заговор раскроется, головы лишится не только зачинщик, но и огромное число его сообщников.

Даже принцесса Чжунцин не осмелилась заявить о своих подозрениях. Лишь Чжоу Цзина за Тан Фанем послала посоветоваться.

— Может, мне пойти во дворец и рассказать все матушке-императрице? – спросила принцесса.

— Вдовствующая императрица, возможно, и встречается с наследным принцем чаще, чем принцесса, но во дворце слишком много лишних ушей, – покачал головой Тан Фань. – Нельзя поднимать шум. Поступим так: этот скромный чиновник найдет кого-нибудь разузнать что и как, а там видно будет.

— Так будет лучше, – с облегчением вздохнула принцесса. – Надеюсь, я ошиблась.

Медленно опустилась ночь. Сегодня было четвертое января. Все чиновники еще отдыхали, а работа в правительственных учреждениях столицы пока была приостановлена.

Несмотря на новогодний фестиваль, улицы были пустыми. Оживление царило лишь на Ярмарке Фонарей и нескольких прилегающих к ней переулках. В остальных районах все было по-прежнему: с наступлением темноты они погружались в тишину.

Неприметный маленький черный паланкин остановился у задних ворот такого же неприметного дома. Носильщик постучал в ворота. Тихо, чтобы не разбудить соседей.

Вскоре дверь отворилась.

Из-за нее показался мужчина средних лет со строгим, волевым лицом.

Пошептавшись с ним, носильщик склонился к паланкину, чтобы сказать что-то его пассажиру, после чего тот выбрался из паланкина и вошел в дом.

Полчаса спустя этот человек вышел, забрался в паланкин и поспешно уехал.

Менее чем через четверть часа после его отъезда ворота снова отворились, из них быстрым шагом вышел мужчина средних лет и мгновенно растворился в ночи.

Никто из участников этой сцены и не догадывался, что за ними все это время кое-кто следил.

Запретный город.

Шаг Ван Чжи был быстрее обычного раза в два. Сам он этого не замечал, но сопровождавший его молодой евнух едва за ним поспевал.

Жаловаться тот не смел, лишь молча прибавил шагу, молясь про себя, чтобы фонарь в его руке не погас.

Так вышло, что в тот самый момент, как он об этом подумал, подул холодный ветер и пламя задрожало, будто готовое вот-вот погаснуть.

Молодой евнух испуганно вздрогнул и невольно взглянул на командующего Вана, но тот даже головы в его сторону не повернул.

По правде говоря, если бы не нежелание привлечь излишнее внимание, Ван Чжи шел бы еще быстрее.

Но сейчас он не мог себе этого позволить.

С тех пор как Хуай Энь покинул столицу, почти все его сторонники были заменены людьми Лян Фана. Даже Восточная Ограда не стала исключением. Чэнь Чжун больше не занимал место ее главы: его тотчас выпнули кормить комаров в Управлении Печатей.

Почему Лян Фан вел себя столь самоуверенно, не боясь получить выговор от императора? Вне всяких сомнений, из-за стоящих за ним людей.

Ван Чжи остался один, а одной рукой в ладоши не похлопаешь.

Причина, по которой не удалось избавиться от Ван Чжи, заключалась в том, что он, помимо того, что был человеком хитрым, в отличие от Хуай Эня, наследного принца в открытую не поддерживал, да и к тому же был бывшим ставленником благородной наложницы Вань. После ухода Хуай Эня он вновь сблизился с фракцией Ваней и склонил перед ними голову. Подобным поступком он ослабил бдительность противника, и тот позволил ему остаться, заставив, впрочем, заплатить соразмерную цену: Ван Чжи пришлось покинуть две ключевые должности в Управлении Церемоний и Управлении Императорскими Конями и перейти в Управление Императорскими Регалиями.

У Ван Чжи еще оставались кое-какие сторонники, но после того, как он вернулся во дворец, всем им пришлось найти другое применение. Многим не удалось подобрать подходящую должность, так что силы их были относительно небольшими, да пользы они приносили мало.

Во дворце люди были еще более двуличными, чем за его пределами. Видя, что командующий Ван теряет свою власть, многие принялись “кидать камни в забытый колодец”, однако Ван Чжи был не из тех, кто позволил бы так просто помыкать собой. По возвращении во дворец он спрятал свой гнев под сдержанной, нежной маской, однако, будучи человеком гибким, запомнил всех своих обидчиков и мысленно внес их в свой личный черный список.

Если кто-то подумал, что командующий Ван влачил во дворце жалкое существование, то он ошибся.

Истощенный верблюд больше лошади, а командующий Ван не растратил свои силы. Хуай Энь передал ему часть своих людей, а потому Лян Фан и не смел слишком сильно давить на Ван Чжи. Вытеснив Хуай Эня, тот закрыл на Ван Чжи глаза. В противном случае ему пришлось бы бороться сразу с двумя могущественными великими евнухами – а загнанный в ловушку зверь становится в разы опаснее. В результате обе стороны понесли бы серьезные потери и проиграли.

Ван Чжи не рассказывал Тан Фаню о своих трудностях: каким бы гениальным тот ни был, возможности его были ограничены. К тому же, гражданским чиновникам было строго запрещено вмешиваться в дела дворца. С тех пор как Ван Чжи вернулся во дворец, они специально старались контактировать как можно реже и только в крайних случаях.

Пару раз они связывались друг с другом, но лишь ради наследного принца.

И этот раз не стал исключением.

Получив от Вэй Мао (приближенный ВЧ) наводку, Ван Чжи с нетерпением подыскивал предлог, чтобы попасть в Восточный дворец.

Дабы успокоиться, он должен был увидеть все своими глазами.

Обычно в это время наследный принц еще учился, но из-за болезни, вероятнее всего, уже лег спать.

То, что Ван Чжи попросил об аудиенции с ним посреди ночи, было очень странно, так что служащие Восточного дворца остановили его у самого входа, сообщив, что наследный принц уже спит.

Однако Ван Чжи не пришел бы, не подготовившись. При нем имелся приказ вдовствующей императрицы:

— Слушая сутры, вдовствующая императрица узнала об одной целительной и, вспомнив о болезни наследного принца, велела мне принести ему буддийских сутр в надежде на его скорейшее выздоровление.

Услышав, что тот прибыл по распоряжению вдовствующей императрицы, служащие не посмели его больше останавливать, а отправили слугу доложить о его прибытии во дворец.

Спустя немного времени посыльный вернулся с сообщением, что наследный принц проснулся и желает видеть Ван Чжи.

Услышав о его прибытии, в спальной, где давно погасили свет, зажгли одну большую свечу толщиной в руку, которая озарила большую часть комнаты.

Кровать была наполовину расправлена, а сам наследный принц сидел на деревянном диванчике. Он собирался подняться, чтобы сменить платье, однако Ван Чжи остановил его:

— Ваше Высочество, прошу, присядьте.

Принц не стал с ним спорить, с трудом скрыв слабость и усталость за улыбкой:

— Командующий Ван, пожалуйста, передай бабушке мою благодарность. Через пару дней, когда мне станет лучше, я нанесу ей визит, чтобы поблагодарить лично.

В словах и жестах наследного принца не было ничего необычного, даже речь была такой же, как и всегда. Ван Чжи не каждый день видел принца, но частенько с ним общался – по его мнению, в нем было все по-прежнему.

Однако за последние пару дней наследный принц действительно очень похудел, щеки его слегка впали, а под глазами посинело, что не могло не вызывать беспокойство.

— Ваше Высочество, не стоит. Командующий Хуай всегда так о Вас переживал. Если бы услышал, что Вы больны, сильно забеспокоился бы!

— Я бесполезен, – горько улыбнулся наследный принц. – Я не смог защитить Хуай Эня, я… Я так виноват перед ним!

“В его словах нет ничего подозрительного”, – подумал Ван Чжи.

Затем он стал свидетелем того, как наследный принц закашлялся так, будто его легкие разрывались на части – и это было пугающе.

Стоявший подле принца дворцовый служащий поспешил подойти и похлопать его по спине.

Ван Чжи быстро огляделся по сторонам, а затем спросил:

— Ваше Высочество, почему я не вижу Цуй Юна?

Цуй Юна был личным помощником наследного принца.

— Я всю ночь кашлял и не мог уснуть, – ответил принц. – В императорской лечебнице мне прописали успокаивающие пилюли, но они закончились. Цуй Юн отправился за ними. Он еще не вернулся? – спросил он у слуги.

— Нет, служащий Цуй ушел чуть меньше часа назад.

В этом диалоге тоже не было ничего подозрительного. По крайней мере, Ван Чжи не заметил никаких странностей. Он решил наведаться в лечебницу после того, как покинет Восточный дворец.

Пока слуга говорил, Ван Чжи скользнул взглядом по мизинцу левой руки наследного принца.

Нижняя часть тела того находилась под одеялом, руки лежали по бокам, но левая сжимала одеяло, и мизинец не было видно. Не мог же Ван Чжи схватить принца за руку, чтобы проверить, на месте ли шрам.

— Командующий Ван?

Ван Чжи пришел в себя:

— У Вашего Высочества будут какие-то распоряжения?

— Я только спросил, ты уже освоился в Управлении Императорскими Регалиями? – бессильно улыбнулся наследный принц. – Хочешь, я поговорю с отцом-императором, чтобы он вернул тебя в Управление Императорскими Конями?

— Благодарю за доброту, Ваше Высочество, – покачал головой Ван Чжи, – но Вам не стоит говорить об этом, дабы не навредить себе. Поэтому прошу Ваше Высочество, не нужно.

Услышав эти слова, наследный принц вздохнул и замолк.

— Вашему Высочеству пора принимать лекарство, – прошептал слуга подле него.

Ван Чжи не подобало задерживаться, поэтому он ушел сразу, как услышал это.

В конце концов, он знал наследного принца не так хорошо, как Хуай Энь. Если бы тот был здесь, он наверняка смог бы определить, все ли в порядке с принцем.

Но, к сожалению, Хуай Энь теперь жег благовония в гробнице императора-основателя в Нанкине и был слишком далеко, чтобы хоть как-то помочь.

Ван Чжи покинул Восточный дворец и отправился в императорскую лечебницу.

Цуй Юн действительно был там. Пилюли эти готовили по требованию, так что он помогал императорским докторам. Ван Чжи обменялся с ним парой слов о состоянии наследного принца и, судя по тону Цуй Юна, тот не считал, что с принцем что-то не так.

Ван Чжи лишь зря потратил время.

Он даже начал было сомневаться, не попытался ли Тан Фань таким образом подшутить над ним в отместку за то, что он постоянно над ним издевается.

Однако мысль эта не задержалась в его голове надолго. Ван Чжи знал, что Тан Фань не такой человек. Тот никогда бы не стал шутить над такими важными вещами.

Поскольку передали Ван Чжи новости через Вэй Мао, да и времени особо не было, он не был осведомлен, что Тан Фань получил эту новость от принцессы Чжунцин. Тан Фань не успел рассказать все подробно, велев Вэй Мао попросить Ван Чжи внимательнее присмотреться к наследному принцу.

Из-за этого Ван Чжи посреди ночи отправился к вдовствующей императрице за буддийскими сутрами и притащил их в Восточный дворец, но так ничего и не разузнал.

Ван Чжи вернулся в свою резиденцию. Дом за стенами дворца был не таким комфортным, как внутри, но для человека с его опытом жизни во дворце обустройство дома не было проблемой.

Велев своему подчиненному-евнуху нагреть воды для расслабляющей горячей ванны, он сел на кровать и, закутавшись в одеяло, принялся рассуждать.

Столько времени пообщавшись с Тан Фанем он научился подражать образу его мыслей, но после долгих размышлений так ни к чему и не пришел.

“Плевать! Столь заковыристое дело можно скинуть на Пушистика Тана!”

На том и порешив, Ван Чжи потушил свет и лег спать.

Он и не догадывался, что не успеет отправить новости, как назавтра, пятого января, в день, когда дворцовые чиновники выйдут на работу после новогодних праздников, на Тан Фаня будет написан обличающих донос.

***

Послесловие автора:

В этой главе господин Тан с командующим Ваном держат каждый по половине Небес, а командир Суй пока отправился домой играться в песочнице ~

Не смейтесь над принцессой Чжунцин →_→ Она действительно существовала. И “□“ в ее имени читается как zhòng, а не chóng (“□□, chóngqìng” – это город такой, а еще может означать “повторное празднование” или то, когда родители и бабушки с дедушками все до сих пор живы. Что смешного, я не поняла, возможно дело в омонимах, но этого я уже не узнаю). Считается, что из всех принцесс династии Мин она прожила самую счастливую жизнь…

***

Примечания переводчика:

Опять двадцать пять… Ну, может, Тан Фань хоть отлежится дома, хотя… зная одного “лепителя куличиков”, вряд ли бедняге дадут поспать и оправиться после болезни. Теперь еще и работы лишили – последнего места, где можно от него спрятаться…

Я так понимаю, новогодние каникулы там распространялись на всех гражданских чиновников, кроме Шести Министерств и Кабинета Министров? Потому что ТФ, бедняжка, шастал на работу. Да и Шесть Министерств работали, обеспечивая принцу комфортное путешествие в храм в начале года… На их месте я бы точно не стремилась работать во дворце: могут выпороть, платят мало и отпусков нет…. Капец

Когда уже этот том кончится…

http://tl.rulate.ru/book/50212/3535434